

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Как придворный летописец короля Светлячка узнавал, когда придёт весна

I

Зима была такая долгая и студёная, что его величество Светлячок, король гномов, примёрз к своему трону. С его седой бороды, посеребрённой инеем, свисали сосульки, обледенелые брови сердито и грозно топорщились. Замёрзшие капли росы жемчужинами сверкали на короне, а пар от дыхания изморозью оседал на ледяных стенках Грота. Королевские подданные, проворные гномики, надвинули на самый нос свои длинные колпачки и плотно закутались в красные плащи. А некоторые сделали себе шубы и кафтаны из бурого и зелёного мха, собранного в лесу ещё осенью, из трута, шишек, беличьего пуха и пёрышек, что обронили птички, улетая за синее море.

Но королю не годится одеваться как попало. Он и зимой, и летом носил пурпурную мантию. С незапамятных времён служила она королям гномов и уже порядком поистёрлась и прохудилась — ветер продувал её насквозь. Но, будь эта мантия даже новой, она ничуть бы не грела — сотканная из паутинок, которые весной протягивают по пашне красные паучки, она была не толще макового лепестка.

Вот и дрожал король в своей мантии, зуб на зуб не попадал, и всё дышал на руки: они до того окоченели, что еле удерживали скипетр. В ледяном дворце огня ведь не разведёшь. А не то и пол, и стены потрескаются. Оставалось согреться сиянием золота и серебра, лучистым пламенем бриллиантов, крупных, с яйцо жаворонка, переливами солнца в хрустальных стенах тронного зала да сверканием длинных мечей, которыми размахивали храбрые гномы, чтобы удаль свою показать, а заодно и разогреться. Но тепла от всего этого было мало, и бедный старый король только лязгал немногими уцелевшими зубами, с нетерпением поджидая весны.

— Сморчок, мой верный слуга! — позвал он одного из придворных. — Выгляни-ка наружу, не идёт ли весна?

Но Сморчок ответил смиренно:

— Государь мой и повелитель! Не время мне вылезать из-под земли, пока не зазеленела крапива под плетнями. А до той поры ещё далеко!

Кивнул король головой и подозвал другого придворного:

— Синичка, может, ты выглянешь?

Но Синичке тоже неохота было нос высовывать.

— Государь мой и повелитель! — ответил тот. — Моё время придёт, когда защебечет трясогузка. А до той поры ещё далеко!

Помолчал король; но, видно, холод пробирал его не на шутку, и он опять сказал:

— Букашка, мой верный слуга, хоть ты выгляни!

Но и Букашке не хотелось вылезать на мороз.

— Государь наш и повелитель! — с поклоном ответил он. — Моё время придёт, когда мушка проснётся под прошлогодним листом. А до той поры ещё далеко!

Опустил король бороду на грудь и вздохнул, да так тяжело, что в Гроте поднялась метель и ничего не стало видно.

Прошла неделя, прошла другая, и вот в одно прекрасное утро сделалось светло-светло. Закапало с сосулек на королевской бороде, подтаял снег на королевских волосах, расправились смёрзшиеся брови, и по усам, словно слезинки, покатались капли.

На стенах тоже начал таять иней, а лёд трескался с таким грохотом, будто Висла вскрывалась. Стало так сыро, что король и все придворные принялись оглушительно чихать — словно пушки запалили.

И то сказать — носы у гномов знатные!

Сами-то они народец мелковатый: увидит гномик крестьянский сапог, остановится, разинет рот и дивится, думает — башня.

Забредёт в курятник и спрашивает: «Это что за город такой и далеко ли до заставы?» В пивную кружку свалится — и ну верещать: «Спасите! В колодец упал!»

Вот какая мелюзга!

Зато носы у них что надо. Такие бы носищи любителям табачок понюхать! Как расчихались да начали друг дружке и королю здоровья желать — земля задрожала.

На ту пору крестьянин в лес по дрова ехал. Услыхал, как гномы чихают, и говорит:

— Ого! Гром гремит! Значит, весна зиму поборола!

